

Тамбовцева Марина Андреевна

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КОПЕНГАГЕНСКОЙ ШКОЛЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ**

В данной статье рассмотрены основные положения теории секьюритизации как одного из направлений критических исследований в области безопасности в рамках постмодернистского подхода к анализу феномена международной безопасности. Обозначены истоки теории (конструктивизм), охарактеризовано ее дальнейшее развитие (в рамках анализа взаимосвязи мысли Копенгагенской и других, а именно Парижской и Уэльской, школ критических исследований). Сделаны выводы об общей гуманистической направленности теории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/48.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 185-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Илл. 6. Интерьер храма во имя Иова Многострадального в Брюсселе

**NIKOLAY IVANOVICH ISTSELENNOV –
THE KEEPER OF RUSSIAN ART TRADITIONS IN EMIGRATION**

Strizhevskaya Yana Anatol'evna

*Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov of the Russian Academy of Arts
yana.strizhevskaya@gmail.com*

The article characterizes creative activity of the architect Nikolay Ivanovich Istselennov, the outstanding figure of the Russian émigré community, who devoted himself to studying Old Russian church art and designing the first émigré parishes in France and Belgium. The author describes in detail iconostases design and architecture of churches created by N. I. Istselennov in cooperation with icon painters of the “Icon” society. The paper for the first time describes the icon case of Feodorovskaya Icon of the Mother of God designed by N. I. Istselennov for St. Basil seminary and the research center “Istina (“Truth”) of the town of Lille.

Key words and phrases: Russian émigré community; “Icon” society; church art; iconostases; church architecture; Russian style.

УДК 32; 327; 327.5; 327.57

Политология

В данной статье рассмотрены основные положения теории секьюритизации как одного из направлений критических исследований в области безопасности в рамках постмодернистского подхода к анализу феномена международной безопасности. Обозначены истоки теории (конструктивизм), охарактеризовано ее дальнейшее развитие (в рамках анализа взаимосвязи мысли Копенгагенской и других, а именно Парижской и Уэльской, школ критических исследований). Сделаны выводы об общей гуманистической направленности теории.

Ключевые слова и фразы: секьюритизация; инсекьюритизация; теория секьюритизации; Копенгагенская школа; критические исследования в области безопасности; постмодернизм.

Тамбовцева Марина Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
foreveryoung.mt@mail.ru*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КОПЕНГАГЕНСКОЙ ШКОЛЫ
К ОБЕСПЕЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ**

Теория секьюритизации, созданная Копенгагенской школой, существует в русле постмодернизма и принадлежит к такому его направлению, как критические исследования в области безопасности. Копенгагенская школа, развив и до предела гуманизируя социологическую (конструктивистскую) теорию, заложила основы нового, наиболее адекватного сегодняшним политическим реалиям, понимания международной безопасности как безопасности человека.

В основе критических исследований в области безопасности, объединяющих в себе три школы: Копенгагенскую (теория секьюритизации), Уэльскую (теория эмансипации), Парижскую (теория инсекьюритизации), – лежит социологическая теория, для которой характерно восприятие международной безопасности как безопасности человека, живущего в условиях не формальной государственно-территориальной, а истинной культурной, идейной общности. При этом, согласно конструктивистской теории, международная безопасность достигается в рамках взаимодействия социальных групп, а именно посредством мирного дискурса (спора в диалоге), определяющего идентичность данной общности, между ними. В данном вопросе критические школы идут дальше, окончательно переходят на «микроуровень»: представители Уэльской и Парижской школ считают, что международная безопасность обеспечивается посредством механизмов, коренящихся в бытии и взаимодействии именно самих индивидов, а не их групп. При этом следует отметить, что в этом плане Копенгагенская школа больше тяготеет все же к позиции конструктивистов, т.е. к пониманию международной безопасности как продукта деятельности больших и малых социальных групп, непосредственно конструирующих общие смыслы. Несмотря на это, связь теории секьюритизации с теориями эмансипации и инсекьюритизации очевидна: для них всех характерно восприятие международной безопасности как самореферентной практики. Важно, что данную аксиому в критические исследования привнесла именно Копенгагенская школа. Таким образом, можно утверждать, что ее мысль лежит на границе двух современных подходов.

Б. Бузан, О. Вейвер и Дж. Вильде являются основоположниками теории секьюритизации. Главный труд в русле данной теории – “Security: A New Framework for Analysis” [5] – создан указанными авторами в 1998 г.

Ключевые понятия в рамках данной теории, согласно О. Вейверу, – «секторы», «региональные комплексы безопасности» и «секьюритизация».

«Секторы» (термин введен Б. Бузаном) есть определенные поля, в рамках которых существует определенный тип безопасности взаимодействия (существуют следующие секторы безопасности: военный, экономический, политический, социальный, окружающей среды) [Ibidem, p. 7-8].

«Региональные комплексы безопасности» (термин берет начало в мысли Б. Бузана, но наиболее полно раскрыт О. Вейвером) – совокупности единиц, процессы безопасности которых и динамика «так связаны, что их проблемы безопасности не могут быть проанализированы и решены вне взаимосвязи этих единиц» [Ibidem, p. 201]. Эти «региональные комплексы безопасности» рассматриваются с позиций взаимоотношающих географических регионов, таких как Европа, Америки, Азия, Ближний Восток и Африка. Следует подчеркнуть, что именно региональный аспект безопасности становится главенствующим.

«Секьюритизация» – процесс, в котором актор (чаще всего политические элиты государства) декларирует (публично объявляет), что тот или иной вопрос, процесс, актор является экзистенциальной угрозой для конкретного субъекта, к которому относится данное заявление [8, p. 70], т.е. именно публичное объявление чего-либо угрозой превращает сие в угрозу [6]. Опасность становится секьюритизированной только тогда, когда она начинает восприниматься как экзистенциальная угроза референту безопасности [4, p. 491]. И именно акт публичного признания рассматриваемого объекта/субъекта действительно опасным (легитимация) дает возможность спикеру применять чрезвычайные меры по устранению угрозы [10, p. 55]. А применение чрезвычайных мер принуждения, выход за границы «нормальной политики» неизбежны, ибо сама безопасность определяется через категорию выживания.

Понятие секьюритизации включает в себе 2 аспекта: это и самая высокая степень оценки угрозы обществу или его части, напрямую связанная с выживанием, определяемая посредством анализа политического дискурса, и политизация проблемы, т.е. устойчивый процесс воспроизводства состояния угрозы через дискурс [9, p. 363]. Концептуальная основа секьюритизации – противопоставление «свой-чужой», лежащее в основе процесса определения идентичности [2, с. 104], то есть секьюритизация – противопоставление себя другому и вывод данного другого на этой основе за пределы правового поля.

Безопасность предстает в качестве речевого акта, акта публичной коммуникации, в которой спикер обладает определенной властью над аудиторией, но именно аудитория является основой этой власти. Дискурс может закончиться секьюритизацией только в том случае, если его ключевые участники имеют политический авторитет в обществе, т.е. способны реализовать дискурсивную власть. Носителей дискурсивной власти называют «эпистемическим сообществом» [Там же, с. 105].

Как мы уже отмечали, секьюритизация опасности неминуемо влечет за собой вывод ее (опасности) за пределы нормального политического диалога, что является удобной предпосылкой для решения проблем безопасности с исключительных позиций.

После устранения угрозы наступает этап десекьюритизации, на котором происходит исключение оглашенной проблемы из повестки дня, и все возвращается на свои места, в контекст «нормальной политики», основанной на законе и открытом принятии политических решений [6]. При этом следует отметить, что секьюритизация безопасности несет в себе ряд угроз, ибо она категорически несовместима с либеральной демократией и является основой авторитарного принятия решений группой лиц.

Таким образом, в рамках теории секьюритизации международная безопасность воспринимается сквозь призму простого выживания общества или его части, а в основу положен человек как ее первичный референт. При этом безопасность есть продукт публичного акта, мирного дискурса, влияния одних общественных групп и индивидов на других посредством убеждения, основанного на политическом авторитете. Безопасность существует лишь в рамках правового поля, но поддерживается за счет признания человеком легитимными процессов, порождаемых элитами вне его.

В любом случае Копенгагенская школа, как и другие представители критических исследований в области безопасности, в продолжение мысли конструктивистов замыкает свою теорию на человеке, пусть и рассматриваемом более с позиций его экзистенции в рамках группы (здесь очевидно сближение с социологической теорией и отдаление, но не конфликт с постмодернистской мыслью). Она признает безопасность формирующейся и функционирующей исключительно в рамках человеческого сообщества, взаимодействия между людьми (процесса взаимодействия). Таким образом, можно говорить об общей гуманистической направленности теории секьюритизации.

Профессор И. В. Радиков пишет, что «степень реального наполнения категории “безопасность человека” в значительной степени обусловлена тем, какое место занимает человек в самих международных отношениях. В случае, когда эти отношения отчуждены от конкретного человека (государствотристский подход), он рассматривается лишь как средство обеспечения безопасности государства, как простой “винтик” общего механизма ее обеспечения, и его личная безопасность становится фактически вторичной, а жизнь сводится к служению делу обеспечения государства, его безопасности. Когда же международные отношения учитывают интересы человека (социогуманитарный, антропоцентристский подходы), его безопасность начинает занимать приоритетное место в триаде объектов национальной безопасности. Иначе говоря, степень безопасности человека определяется степенью человеческого измерения политики» [3, с. 6].

Объясняя механизмы обеспечения международной безопасности сквозь призму общественного дискурса, предоставляя человеку право легитимировать международные политические процессы, в некоторой степени управлять ими, Копенгагенская школа выводит на первый план именно человеческое измерение политики, а значит, трансформирует международную безопасность из безопасности государства в безопасность человека. В таком случае можно сказать, что именно теория секьюритизации обеспечила плавный переход к новому этапу осмысления феномена безопасности в международной политике – этапу первенства концепта человеческой безопасности.

Список источников

1. **Гасанов К. Н.** Современные европейские теории и концепции национальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/politica-i-geopolitica/500/sovremennye-evropejskie-teorii-i-konceptzii-naczionalnoj-bezopasnosti-4624> (дата обращения: 18.06.2017).
2. **Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В.** Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 94-112.
3. **Радиков И. В.** Безопасность человека: реальность или фикция // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 6-11.
4. **Buzan B., Waever O.** Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 570 p.
5. **Buzan B., Waever O., Wilde J. de.** Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
6. **Floyd R., Croft S.** European Non-Traditional Security Theory [Электронный ресурс]. URL: <http://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%201.pdf> (дата обращения: 18.06.2017).
7. **Moravcsik A.** Federalism and Peace: A Structural Liberal Perspective // Zeitschrift für Internationale Beziehungen. 1996. № 3 (1). P. 123-132.
8. **Security Studies: an Introduction** / ed. P. D. Williams. L. – N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 551 p.
9. **Stritzel H.** Towards a Theory of Securitisation: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. № 13 (3). P. 357-383.
10. **Wæver O.** Securitization and Desecuritization // On Security / ed. R. D. Lipschutz. N. Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46-86.

THEORETICAL APPROACH OF COPENHAGEN SCHOOL TO ENSURING INTERNATIONAL SECURITY: THE BASIC PROVISIONS OF SECURITIZATION THEORY

Tambovtseva Marina Andreevna
Saint Petersburg University
foreveryoung.mt@mail.ru

The article examines the basic provisions of securitization theory as one of the trends of security studies within the post-modernist approach to analyzing the phenomenon of international security. The author identifies origins of the theory (constructivism), characterizes its further development (considering interrelation between the approaches of Copenhagen and other schools of security studies, in particular, Parisian and Welsh ones). The paper concludes on general humanistic orientation of the theory.

Key words and phrases: securitization; insecurity; securitization theory; Copenhagen school; security studies; post-modernism.